

Станюкович Константин Михайлович

Пассажирка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Пассажирка / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 166 с.

ISBN 978-5-519-75283-1

Рассказ из морской жизни

ISBN 978-5-519-75283-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Дня за два до ухода нашего изъ Санъ-Франциско, мичманъ Цвѣтковъ, только что вернувшійся съ берега, стремительно ворвался въ каютъ-компанію и воскликнулъ своимъ бархатнымъ теноркомъ:

— Какую я вамъ привезъ, господа, новость!.
Одно удивленье!

И чернокудрый пригожій молодой мичманъ, веселый, легкомысленный и жизнерадостный, ухитрившійся влюбляться чуть ли не въ каждомъ портѣ, гдѣ клиперъ стоялъ болѣе трехъ сутокъ,—окинулъ живымъ, смѣющимся взглядомъ своимъ красивыхъ черныхъ глазъ нѣсколько человѣкъ офицеровъ, благодуществовавшихъ послѣ обѣда за чаемъ.

— Ну, какая тамъ у васъ новость?—недовѣрчиво и лѣниво кинулъ съ дивана старшій офицеръ Степанъ Дмитріевичъ и, потянув-

шись, зѣвнулъ, собираясь, по обыкновенію, соснуть часокъ послѣ обѣда.

— Ужъ не садится ли къ намъ адмиралъ?— испуганно спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, нѣтъ... Новость самая пріятная!— разсмѣялся мичманъ, открывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ... Только моя новость не для васъ, Евграфъ Ивановичъ, и не для васъ, Антонъ Васильичъ,—обратился онъ, лукаво улыбаясь, къ пожилому артиллеристу и къ доктору.

— Это почему?

— Вы — въ законѣ. И не для васъ, батюшка... Вы — монахъ! И не для тебя, милордъ. Ты—влюбленный женихъ. Тебя ждетъ-не дождется въ Кронштадтѣ твоя невѣста.

— Да не балаганъ, говори въ чемъ дѣло! И безъ того довольно похожъ на Бобчинскаго! — проговорилъ медленно, сквозь зубы, товарищъ и пріятель Цвѣткова, мичманъ Бобровъ, прозванный «милордомъ».

Рыжій, съ выбритыми нарочно губами и маленькими, не доходившими до конца щекъ бачками, сухощавый и прилизанный, сдержанный и серьезный, онъ дѣйствительно смахивалъ на англичанина и корчилъ англomана, стараясь усилить это внѣшнее сходство и соответствующими, по его мнѣнію, англійскими

привычками: напускалъ на себя невозмутимость, выпучивалъ безсмысленно глаза, цѣдилъ слова, носилъ фланелевыя рубашки, пилъ портеръ и ничему не удивлялся.

— То-то: говори! А не бойсь, не угостишь бѣднаго мичмана русской папирской.. Эти манилки.. Чортъ бы ихъ побралъ!.. Ну не раздумывай же, благородный лордъ... Давай!

«Благородный лордъ», запасливый, бережливый и вообще очень аккуратный молодой человекъ, не только не дѣлавшій долговъ, но кое что сохранившій отъ своего небольшого жалованья, — не смотря на второй годъ плаванія, курилъ еще папиросы; взятыя изъ Россіи. Онъ крайне неохотно угощалъ ими и не безъ нѣкотораго внутренняго колебанія досталъ папиросницу, но предусмотрительно не подалъ ее Цвѣткову, а, вынувъ одну папироску, протянулъ ее веселому мичману, давно прокутившему и проугсщавшему свой запасъ.

Тотъ, послѣ первой жадной затяжки, значительно и торжественно проговорилъ, прищуривая смѣющіеся глаза:

— У насъ на клиперѣ будетъ пассажирка! Пойдетъ съ нами до Гонконга... Не ожидали, господа, такой новости, а?...

И жизнерадостный мичманъ оглядѣлъ всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

Новость эта, видимо, произвела впечатлѣніе на моряковъ.

— Пассажирка!?—раздались восклицанія.

— И даже двѣ: молодая барынька и ея горничная, тоже молодая...

— Не плодъ ли это твоей фантазіи, сэръ?— усмѣхнулся милордъ.

— Фантазіи!? Прикуси свой языкъ, милордъ, и кстати ужъ проглоти аршинъ, чтобъ окончательно походить на англичанина.

— А собой какъ барынька?—спросилъ кто-то изъ молодежи.

— Чудо что такое!.. Ослѣпительная блондинка съ золотистыми волосами. Бѣла, какъ снѣгъ... Улыбка чарующая... Взглядъ ангела... Умница... Одѣта съ изящной простотой... Стройна и сложена божественно... Бюстъ роскошный... Ручки — восторгъ: маленькія, съ ямочками.. Ножки...

— А горничная какова? — неожиданно перебилъ мичмана, восторженно перечислявавшего всѣ прелести пассажирки, долговязый, вихрастый юнецъ-гардемаринъ съ крупными сочными губами.

— На кой вамъ чортъ знать о горничной!? — негодуяще воскликнулъ мичманъ. Я рассказываю о *ней*, объ этой дивной женщинѣ, а вы: горничная! Это — профанація! У

вась, видно, горничныя только на умѣ!.. Тѣфу... А, впрочемъ, и горничная ничего себѣ! — вдругъ смѣясь, прибавилъ мичманъ. Ухаживайте за ней на здоровье!

— А ты ужъ видно того... втюрился въ пассажирку? — насмѣшливо цромолвилъ «милордъ».

— И ты втюришься, какъ ее увидишь, да-ромъ что женихъ.

«Милордъ» презрительно усмѣхнулся и процѣдилъ:

— Я не такой влюбчивый воробей, какъ ты...

— Какая такая пассажирка, Владиміръ Алексѣичъ? Откуда она вдругъ объявилась и гдѣ это вы все узнали?—спросилъ въ свою очередь и старшій офицеръ, Степанъ Дмитріевичъ, умышленно равнодушнымъ тономъ, слушавшій однако съ живѣйшимъ любопытствомъ описаніе прелестной пассажирки и втайнѣ переживавшій радостное волненіе за-взятаго женолюба.

И Степанъ Дмитріевичъ, далеко не казистый изъ себя мужчина лѣтъ около сорока, бѣлобрысый, коренастый, начинавшій сильно лысѣть, съ краснымъ отъ загара, угреватымъ, непривлекательнымъ лицомъ, среди котораго, словно руль, торчалъ длинный, неуклюжій носъ

съ шишкой на кончикѣ, невольно оживился, забывъ сонъ, пригладилъ съ достоинствомъ потную лысину и съ самымъ донъ-жуанскимъ видомъ сталъ крутить концы своихъ темно-рыжихъ усовъ. Въ то же время его маленькіе съ воспаленными вѣками глазки еще болѣе сѣзались и подернулись, какъ выражались мичмана, «прованскимъ масломъ», и самъ онъ молодцоваго выпятилъ грудь колесомъ, представляя всей свсей фигурой нѣкоторое подобіе боченка.

Дѣло въ томъ, что Степанъ Дмитріевичъ, отличный служака, добрый и вообще скромный человекъ, имѣлъ одну непростительную слабость—считать себя весьма и весьма соблазнительнымъ мужчиной и думать, что нравится дамамъ.

— Я сейчасъ видѣлъ пассажирку у консула. Она пріѣзжала къ нему съ горничной выправить бумаги... Меня представили ей, и мы съ ней минутъ пять говорили... И капитанъ въ это время былъ у консула. Ну и скажу я вамъ, господа, нашъ то капитанъ...

— А что?..

— Потѣха! Даромъ, что и съ брюшкомъ, и почтенный отецъ семейства, а такъ и разсыпался, такъ и лебезилъ... Совсѣмъ не такой свирѣпый, какимъ бываетъ во время аврала...

Губы распустилъ, «ля-ля-ля», ходилъ вокругъ, словно котъ около сливокъ... Консулыца даже смѣялась... И когда консулъ просилъ взять этихъ дамъ пассажирками до Гонконга, капитанъ съ удовольствіемъ согласился и предложилъ къ услугамъ очаровательной блондинкѣ свою каюту... А она, какъ царица, только чуть-чуть кивнула головкой.

— Онѣ американки, что ли? — снова любопытствовалъ старшій офицеръ, довольно плохо объяснявшійся на англійскомъ діалектѣ.

— Какія американки? Чистѣйшія русскія, москвички. Съ какой стати капитанъ взялъ бы американокъ пассажирками!

Это извѣстіе привело всѣхъ еще въ болѣе шій восторгъ.

— Какъ же онѣ сюда попали, въ Калифорнію?

— Очень просто. Прелестная блондинка была замужемъ за американцемъ, инженеромъ Кларкомъ. Этотъ Кларкъ былъ зачѣмъ-то въ Россіи, встрѣтился съ русской красавицей и влюбился, понятно, въ нее. Она, только-что кончившая курсъ институтка, дочь какого-то генерала, тоже влюбилась въ американца. Ну повѣнчались и уѣхали въ Америку; съ ними уѣхала и русская горничная, бывшая крѣпостная. Прожили они, по словамъ консула, пять

лѣтъ вполнѣ счастливо, — американецъ обожалъ жену. Три года тому назадъ они пріѣхали въ Калифорнію, и здѣсь американецъ потерялъ все огромное свое состояніе на спекуляціяхъ съ золотыми пріисками. Въ отчаяніи онъ въ одинъ прекрасный день пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну не болванъ ли?

— Положимъ, болванъ, но что же дальше? — спросилъ кто-то.

— Эти три года несчастная вдова жила въ Сакраменто у родныхъ мужа и затѣмъ въ Санъ-Франциско, давала здѣсь уроки музыки. Кое-какія деньги, оставшіяся у нея послѣ богатства мужа, пропали у разорившагося банкира. Ее потянуло на родину, и вотъ теперь она возвращается въ Россію, отказавъ тремъ богатымъ женихамъ...

— Это она все тебѣ сообщила? — иронически замѣтилъ «милордъ».

— Нѣтъ, проницательный милордъ, не она, а консульша... Она съ ней давно знакома.

— Что-жъ она неутѣшная вдова, что-ли?

— Этого я не знаю... Знаю, только, что она прелестна и, по словамъ консульши, безупречной репутации. Ее такъ и зовутъ здѣсь «мраморной» вдовой.

— А сколько ей лѣтъ?

— Въ консульствѣ говорили: тридцать, но

это вранье по-моему. Ей много, много двадцать пять... Она глядитъ совсѣмъ дѣвушкой, такъ она свѣжа и хороша эта миссисъ Вѣра, какъ ее здѣсь зовутъ. Ну вотъ вамъ и вся исторія... Эй, вѣстовые, чаю!—крикнулъ мичманъ.

— Она не разучилась говорить по-русски?—спросилъ старшій офицеръ.

— Отлично говоритъ. Изрѣдка только у нея «заѣдаетъ» *). А голосъ-то какой, Степанъ Дмитричъ!

— Хорошій?

— Бархатъ! Такъ и ласкаетъ, такъ и проникаетъ въ душу!

— Посмотримъ, посмотримъ вашу красавицу!—весело и самоувѣренно, съ видомъ опытнаго знатока, промолвилъ Степанъ Дмитричъ, задорно какъ-то крякнулъ и пошелъ къ себѣ въ каюту отдыхать.

«Чорта съ два ты посмотришь! Рожѣ въ родѣ мѣдной кострюльки, а тоже воображаетъ!»—мысленно напутствовалъ его мичманъ. И бросилъ въ спину старшаго офицера непріязненный, насмѣшливый взглядъ.

Распросы на-счетъ пассажировъ продолжались еще нѣсколько времени. Одни интересо-

*) Моряки говорятъ: «снасть заѣла», т. е. снасть не идетъ, остановилась.

вались барыней, а другіе (и въ томъ числѣ пожилой артиллеристъ и вихрастый гардемаринъ) горничной, и всѣ выражали удовольствіе, что на клиперѣ будетъ пассажирка, которая своимъ присутствіемъ скраситъ однообразіе и скуку длиннаго перехода.

Одинъ только «дѣдушка», какъ звали всѣ любимаго стараго штурмана Ивана Ивановича, слушая всѣ эти разговоры, не выражалъ ни малѣйшаго сочувствія и какъ-то загадочно усмѣхался, неодобрительно покачивая своей сѣдой, коротко стриженной головой.

Мичманъ между тѣмъ не уставалъ пѣть восторженные диѳирамбы красотѣ молодой вдовы. Отвѣчая на назойливые вопросы, онъ хвалилъ и горничную, но равнодушно и сдержанно. Въ концѣ-концовъ чуть не вышла крупная исторія. Лейтенантъ Бацлановъ, довольно видный блондинъ, кронштадтскій сердцеѣдъ, сдѣлалъ насчетъ будущей пассажирки очень нескромное замѣчаніе. Мичманъ вспыхнулъ, губы его затряслись, и онъ назвалъ Бацланова нахаломъ, не понимающимъ, какъ надо говорить о порядочной женщинѣ. Дѣло дошло бы до крупной ссоры, еслибъ не вмѣшался «дѣдушка» и, со свойственнымъ ему умѣньемъ миротворца, не уговорилъ двухъ распѣтушившихся молодыхъ людей извиниться другъ передъ другомъ.